

Манкиева Эсет Хамзатовна

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО "ХАДЖИ-МУРАТ"

К актуальным проблемам современного отечественного литературоведения относится исследование гендерного дискурса русской классики XIX столетия. Большой интерес в этом плане представляют хронотоп Кавказской войны и феномен фронта, обозначившего столкновение двух цивилизаций: представителей Российской империи и кавказских горских обществ. Как отражена в литературных текстах функциональная роль славянских (русских) женщин в истории этого противостояния? На материале повести Л. Н. Толстого автор статьи предпринимает попытку ответить на этот вопрос. Достаточно крупным планом писатель изображает двух русских женщин (Марья Васильевна, Марья Дмитриевна), каждая из которых способна встать "поверх конфликта". Отличительные черты названных героинь - милосердие, сострадание, доброта по отношению к горцам, стремление наладить культурный диалог. В образах Марьи Васильевны и Марьи Дмитриевны воплощены лучшие женские черты русского народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 882

К актуальным проблемам современного отечественного литературоведения относится исследование гендерного дискурса русской классики XIX столетия. Большой интерес в этом плане представляют хронотоп Кавказской войны и феномен фронта, обозначившего столкновение двух цивилизаций: представителей Российской империи и кавказских горских обществ. Как отражена в литературных текстах функциональная роль славянских (русских) женщин в истории этого противостояния? На материале повести Л. Н. Толстого автор статьи предпринимает попытку ответить на этот вопрос. Достаточно крупным планом писатель изображает двух русских женщин (Марья Васильевна, Марья Дмитриевна), каждая из которых способна встать «поверх конфликта». Отличительные черты названных героинь – милосердие, сострадание, доброта по отношению к горцам, стремление наладить культурный диалог. В образах Марьи Васильевны и Марьи Дмитриевны воплощены лучшие женские черты русского народа.

Ключевые слова и фразы: русская литература; Кавказская война; Толстой; повесть «Хаджи-Мурат»; гендер; образ русской женщины; культурный диалог.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aset.mankieva@mail.ru

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Современный трансформирующийся и глобализирующийся мир как никогда остро перед постсоветской Россией ставит целый комплекс актуальных вопросов, связанных с формированием российской национальной идентичности. Нельзя сказать, что эти вопросы полностью обделены вниманием ученых, однако в авангарде задействованы больше дисциплины политической направленности. При этом недооцененной областью остается литературное творчество, в особенности классическая русская литература с ее богатейшим художественным опытом в консолидации народов, создании единого коммуникативного пространства российского социума. По справедливому мнению ученых, «художественно-научное исследование космо-психо-логоса своих ближайших соседей по планете представляется крайне актуальным для формирования культуры общества, предупреждения и смягчения межкультурных и межцивилизационных коллизий в эпоху глобализации» [1, с. 109].

С этой точки зрения особый научный интерес представляет «художественное кавказоведение» Л. Н. Толстого, где с этнографической точностью и величайшим художественным мастерством автор запечатлел образы не только северокавказских горянок, но и славянских женщин, которые волей судьбы оказались в горячей точке «фронта» в период Кавказской войны (1817-1864). Здесь считаем уместным сразу подчеркнуть, что термин «фронт», взятый из арсенала западной исторической науки, весьма успешно применяют Т. А. Шебзухова и Е. Г. Берберова в отечественном кавказоведении, отмечая ценность его «широких эвристических возможностей» [5, с. 10].

Многие историки, этнологи и писатели подчеркивают в своих трудах огромную миротворческую роль «невидимой гвардии белых платков» – женщин-горянок, которые интуитивно всегда находились «поверх конфликта» и стремились налаживать мир между народами. Так, этнолог Н. Л. Пушкарева, Председатель Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) пишет: «Именно белые платки женщин, брошенные между враждующими сторонами, навсегда и повсеместно стали величественными символами прекращения вражды и ненависти между народами» [2, с. 14]. Однако неизученным остается вопрос: какое место в этой гуманистической акции занимают славянские женщины? На материале повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» попытаемся дать ответ на вопрос.

В названном произведении в системе женских образов выделяется княгиня Марья Васильевна – жена полкового командира Куринского полка, флигель-адъютанта князя Семена Михайловича Воронцова, «знаменитая петербургская красавица» [4, с. 397]. Это исторически достоверная личность, сведения о которой сохранились в воспоминаниях сослуживцев ее мужа, в частности В. А. Полторацкого, который пишет: «Я состоял ее бессменным ординарцем. Глядеть на нее, не восторгаясь, человеку, в жилах которого течет не пресное молоко, а горячая молодая кровь, было невозможно» [3, с. 190]. В изображении писателя она является эпицентром мужского общества и мужского внимания в русской крепости. По отношению к ней писатель постоянно использует атрибутивные телесные признаки «большой», «крупный», «крепкий», «сильный», «высокий», отмечая ее физическую и личностную величину.

Автор подчеркивает магнетическую силу и очарование женского начала княгини на примере влюбленного в нее ротного командира Полторацкого, который доходит до самозабвения из-за «ее слов, взгляда, улыбки, движений ее, тела, духов, которыми от нее пахло» [4, с. 397]. Из-за простого касания его ног «своим кринолином» мужчина теряет самообладание и, «делая ошибку за ошибкой», проигрывает в карты. Интересен жест, не характерный для горского коммуникативного поведения, но нормативный для европейской культуры. В момент, когда по срочному делу князя Воронцова вызывает дежурный, он свои карты передает жене со словами: «Ты за меня, Marie, сядешь» [Там же, с. 398]. В отличие от горской иерархической модели «мужское – женское» здесь наблюдается партнерство, равенство, идея взаимозаменяемости мужчины и женщины. Создается

впечатление, что подлинной «главнокомандующей» в военной крепости является она. После возвращения своего мужа к игровому столу она засыпает его вопросами: «Зачем тебя звали? Кто? Что?» [Там же].

Далее в повести воспроизводится весьма точный с точки зрения гендерной психологии диалог между женщиной и мужчиной: жена выпытывает у мужа его «военный секрет», но сначала он стойко держит «оборону». Однако вскоре выясняется, что женщина со своей интуитивной логикой и наблюдательностью давно сама раздобыла всю интересующую ее информацию о таинственном пришельце в русскую крепость. Тогда командиру ничего не остается делать, как рассказать жене всю официальную правду.

По гендерной философии Л. Н. Толстого, «один ум – хорошо, два – лучше». На примере семьи Воронцовых писатель показывает преимущество единомышленничества, синтез мужского аналитического разума и женских дипломатических способностей, особенно в таких масштабных делах, как выстраивание политического курса в сложном регионе и управление военными силами страны. Речь идет о том неприятном, щепетильном для князя Воронцова случае, когда он в обход генерала Меллер-Закомельского принял у себя Хаджи-Мурата, и за ним был послан адъютант для серьезного выговора. Проницательная, интуитивная Марья Васильевна «тотчас поняла, что между ее мужем и генералом может произойти неприятность, и, несмотря на все отговоры мужа, собралась вместе с ним и Хаджи-Муратом к генералу» [Там же, с. 413].

В Марье Васильевне воплощены лучшие черты русской женщины, которая, не ущемляя самолюбия своего мужа, не принижая его, умеет незаметно для окружающих оградить его от роковых неприятностей. Под благовидным предлогом, что «ей надобно навестить генеральшу», она вместе с мужем отправляется в дом разгневанного генерала. Л. Н. Толстой весьма колоритно описывает суть взрывоопасного диалога между двумя амбициозными мужчинами, каждый из которых доказывает свою правоту. Атмосфера накалялась все сильнее и сильнее и, казалось, уже ничто не исправит ситуацию. «В это время, шурша юбками, вошла Марья Васильевна» [Там же, с. 414] – эти слова писателя метафорично, емко, даже эмблематично передают талант женской дипломатии в урегулировании мужских конфликтов. На самом деле княгиня использует целый арсенал чисто женских приемов для предотвращения конфликта и возвращения разговора в мирное русло: включает свою «обворожительную улыбку», вворачивает в речь иностранное (французское) словечко (Simon), намекая на элитарность разговора высококультурных людей, использует шуточный каламбур («худой спор лучше доброй ссоры»), заразительно смеется и т.д.

Как показывает Л. Н. Толстой, русские женщины, представляя пример высокой нравственности, во многом способствовали налаживанию языковых и культурных контактов между кавказцами и представителями Российской империи. В этом отношении весьма показательна первая встреча Марьи Васильевны с Хаджи-Муратом. «Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся, вместе с сыном, шестилетним красавцем, кудрявым мальчиком, встретила Хаджи-Мурата в гостиной, и Хаджи-Мурат, приложив свои руки к груди, несколько торжественно сказал через переводчика, который вошел с ним, что он считает себя кунаком князя, так как он принял его к себе, и что вся семья кунака так же священна для кунака, как и он сам. И наружность, и манеры Хаджи-Мурата понравились Марье Васильевне. То же, что он вспыхнул, покраснел, когда она подала ему свою большую белую руку, еще более расположило ее в его пользу. Она предложила ему сесть и, спросив его, пьет ли он кофей, велела подать. Хаджи-Мурат, однако, отказался от кофея, когда ему подали его. Он немного понимал по-русски, но не мог говорить, и когда не понимал, улыбался, и улыбка его понравилась Марье Васильевне так же, как и Полторацкому. Кудрявый же, востроглазый сынок Марьи Васильевны, которого мать называла Булькой, стоя подле матери, не спускал глаз с Хаджи-Мурата, про которого он слышал как про необыкновенного воина» [Там же, с. 410-411].

В приведенном отрывке отражена огромная деятельность «народного министерства иностранных дел» в лице Марьи Васильевны, которая вновь благодаря своей природной интуиции сделала много мудрых шагов к налаживанию дружбы с человеком из «стана неприятелей». Не холодным рассудочным умом, а сердцем русская женщина понимает, что для восточного человека первостепенное значение имеет понятие «семья», поэтому она сразу с первых минут знакомится с ним не только сама, одаривая его дружелюбной улыбкой, но знакомит с ним и своего ребенка. И Хаджи-Мурат, и Марья Васильевна понимают, что присутствие ребенка в данном коммуникативном контексте – знак абсолютного взаимодоверия кунаков.

Небезынтересно отметить, насколько скорость зарождения дружелюбия и эмпатии женщины опережает появление аналогичных чувств у мужчины: ненадолго отлучившийся в канцелярию князь Воронцов спешит домой, «боясь недовольства жены за то, что навязал ей *чужого, страшного* (курсив автора статьи. – Э. М.) человека» [Там же, с. 411], а жена к этому времени уже всю успела расположить к себе «чужестранца», беседует с ним через переводчика и весело шутит на тему обмена подарками. И уж чужим и страшным она его никак не воспринимает. Несложно заметить, как Марья Васильевна даже в невинных шутках «нащупывает» точки соприкосновения разных этнокультур. Выражая благодарность «прелестному разбойнику» за подарок ее сыну, она говорит, что «если он будет отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунак этот похвалит, то ему скоро придется ходить, как Адаму» [Там же]. Здесь сразу обращает на себя внимание мифологема «Адам» – общее и универсальное понятие как для христианской, так и мусульманской религий. Само упоминание имени первочеловека служит ненавязчивым, ассоциативным знаком утверждения братства всех людей на земле.

Обращает на себя внимание пристрастие писателя к определению «белый». Автор словно хочет выделить на фоне всего темного, черного, негативного цвет, символизирующий чистоту человеческих помыслов, свет и ясность во взаимоотношениях разных социально-политических групп. Недаром «белизна рук», столь явно подчеркиваемая Л. Н. Толстым, так тесно увязывается с белыми женскими платками, символизирующими окончание вражды и утверждение мира.

В романе Л. Н. Толстого военные крепости северокавказского фронта «очеловечиваются» присутствием в них женщин. С большой симпатией автор рисует образ и другой женщины – Марьи Дмитриевны, «дочери фельдшера». Если Марья Васильевна принадлежит к аристократическим кругам, то Марья Дмитриевна – представительница простого народа. По описанию Толстого, это – «красивая белокурая, вся в веснушках, тридцатилетняя бездетная женщина» [Там же, с. 460]. У нее «толстая коса, широкие плечи, высокая грудь и сияющая улыбка покрытого веснушками доброго лица» [Там же, с. 462].

Какое место занимает Марья Дмитриевна в военной крепости? С позиции милитаристских ценностей ее роль сведена к нулю – эту мысль простонародным языком выражает один из офицеров: «Бамам тут нечего делать» [Там же, с. 466]. Но с точки зрения народной дипломатии ей нет цены, именно она находит ключ к сердцу и к разуму Хаджи-Мурата. Там, где офицеры и солдаты видят «этого черта» [Там же, с. 464], «страшного горца» [Там же, с. 408], «чудовище» [3, с. 11], Марья Дмитриевна видит глубоко трагичного человека с изломанной судьбой, с трудноразрешимой семейной проблемой. Она настолько тонко его чувствует, что, прощаясь, находит для него самые необходимые благожелательные слова: «Дай бог вам сына выручить!» [4, с. 474]. При этом для Марьи Дмитриевны это не дежурные, ритуально-приблизительные слова. Ей важно достучаться до «сердцевины сознания» Хаджи-Мурата, поэтому она обращается к толмачу: «Переведите ему, что желаю семью выручить» [Там же]. В этих слабеньких еще попытках уже ощущим интерес героев к культуре другой страны, другого народа.

Важное символическое значение имеет подаренная «кавказским Наполеоном» Марье Дмитриевне «белая бурка», обозначающая готовность горцев к чистым, добрым взаимоотношениям с русскими. Знаком притяжения двух культур, двух цивилизаций выступает и стихийный, когнитивный билингвизм коммуникантов. Хаджи-Мурата нельзя назвать большим знатоком русского языка, а Марью Дмитриевну – тюркского, но тем не менее каждый из них пытается сказать хотя бы пару фраз на языке партнера. «Так надо. Адат так» – на ломаном русском говорит Хаджи-Мурат. «Улан якши» (хороший парень. – Э. М.) [Там же] – на «туземном» отвечает ему Марья Дмитриевна.

Среди женских архетипов, созданных Л. Н. Толстым, особое место занимает образ «визуально укрупненных», рослых, физически сильных женщин. Тем самым автор возвеличивает природное женское начало, способное противостоять милитаристской идеологии мужского мира, отстаивать миротворческие ценности. К этому же ряду относится использование Л. Н. Толстым соматических образов «больших белых рук», подчеркивающих значимость межкультурных рукопожатий и ассоциативно связанных с образом «белых миротворческих платков».

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в северокавказской гендерной картине мира, созданной Л. Н. Толстым, важное место занимают образы славянских (русских) женщин, ставших действенным культурным мостом между Россией и Кавказом, Севером и Югом, христианским и мусульманским мирами. Во многом благодаря им фронт, первоначально обозначавший демаркационную линию между двумя разнотипными цивилизациями, превращается в пространство культурного содружества и единения русско-кавказских народов.

Список источников

1. Кучукова З. А. Образ русского человека в балкарской литературе // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. 2013. № 4. С. 105-110.
2. Пушкарёва Н. Л. Прошлое определяет настоящее? // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории: в 2-х т. Нальчик – М., 2013. Т. 1. С. 12-15.
3. Сергеев А. П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести / вступ. ст. и примеч. В. А. Ковалева. М.: Современник, 1983. 239 с.
4. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Повести. Рассказы / сост., вступит. ст. и коммент. И. И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 385-499.
5. Шебзухова Т. А., Берберова Е. Г. Северокавказский фронт Российской империи (1722-1864 гг.): монография. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. 224 с.

THE IMAGE OF RUSSIAN WOMAN IN THE STORY BY L. N. TOLSTOY “HADJI MURAD”

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

Studying gender discourse of the Russian XIX-century classics refers to the relevant problems of contemporary Russian literary criticism. Of great interest in this aspect are the chronotope of the Caucasian war and the phenomenon of frontier indicating the clash of two civilizations: representatives of the Russian Empire and Caucasian mountain societies. How is the functional role of Slavic (Russian) women in the history of this confrontation represented in literary texts? By the material of L. N. Tolstoy's story the author tries to answer this question. The writer depicts in detail two Russian women (Marya Vasilyevna, Marya Dmitrievna), each of whom can rise “above the conflict”. The distinctive features of these heroines are mercy, compassion, kindness towards the mountaineers, readiness to establish a cultural dialogue. The images of Marya Vasilyevna and Marya Dmitrievna embody the best feminine features of the Russian people.

Key words and phrases: Russian literature; Caucasian war; Tolstoy; story “Hadji Murad”; gender; image of Russian woman; cultural dialogue.